

В молодости он ф нт зиров л:

*Меня положат в гроб фарфоровый
На ткань снежинок яблоновых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.
Не повезут поэта лошади –
Век даст мотор для катафалка.
На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка...*

К. Чуковский съязвил: «Это будут фешенебельные похороны. З ф рфоровым гробом поэт потекут в сиреневом тр у ре б ронессы, дюшессы, виконтессы, и М длен со стр усовым веером, и синьор За из “Акв риум ”. О, воскресни, н ш милый поэт! Кто, если не ты, воспоёт н ши буду ры, журфиксы, му ровые пл тья, экип жи? Кто прошепелявит н м, к к ты, г л нт-ный, г л нтерейный комплимент? ... – Я к ждую женщину хочу опринцессить! – т ков был твой гордый девиз.

Но что же дел ть принцесс м без принц ? О, воскресни, н ш милый принц! ... Тут непременно случится великое чудо. Из гроб послышится жуткий и сл достный голос того, кого мы т к горько опла кив ем: “Г рсон! симпровизируй блестящий ф йв о’клок!” – и шик рный денди-поэт, жем нно и кокетливо потягив ясь, выпрыгнет из фешенебельного гроб : – Ш мп нского в лилию! Ш мп нского в лилию! – И з кричит шофёру-похоронщику:

*“Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин!
За чем же дело стало? – К буфету, чёрный кучер!”».*

В ответ Северянин и бровью не повёл, спустя 11 лет з вершил к ртину:

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

Судьб жестоко подшутил н д Королём поэтов...

К кие розы?! К кой ф рфоровый гроб?! К кой к т ф лк?! К к я «моя стр н », н конец?! Игорь В сильевич умер 20 дек б-

ря 1941 год з бытым и нищим в оккупированном гитлеровском
Тлине, и телегу с гробом на колёсище волокла убогая кляча.
Его должны были похоронить в семье польских, но семья не позволила – со своей последней Музой – Валерией Борисовной – поэт жил в городском браке. Гроб изрыли в чужой семье.
Провожали поэт всего шесть человек. «Свежие розы» явились спустя много лет двумя знаменитыми строками в мятнике. А через десятилетия и с мятником зорили охотники за цветными метелками...

Царица Жизнь воспитана, как хамка!...

Северянин оставил немало загадок. Скажем, вот эту – почему так нелюбимый поэт писал такие стихи, за которые критики не грели его ярлыками «безвкусный пошляк», «парфюмерщик», «писатель по потребу», «куплетист номер один», творчество его породило обидное клеймо – «северянинщина»? Я бы назвал три причины.

Игорь Северянин прославился в эпоху, которую позднее называют Серебряным веком. Два десятка лет на рубеже XIX–XX столетий вызвали в России небывалый взлёт философской и религиозной мысли, расцвет всех видов искусств:

*А рядом, словно окна в синий мир,
Сверкают факелы безумного Искусства:
Сияет правда, пламенеет чувство,
И мысль справляет утончённый пир.* (Саша Чёрный).

Северянин и герой, и антигерой своего времени, ещё, пожалуй, и жертва. Оценить его творчество можно только в контексте этой эпохи. Серебряный век был полон тревожным предчувствием глобальных катастроф, – мировых войн и революций. В философии, искусстве, морали назрел кризис (суть его уловил известный русский философ Н. Бердяев). Религиозный кризис уже определило поворот от духовных ценностей к материальным. Мир стремительно менялся. В круг богемы царили идеи Ницше, возносящиеся индивидуализм, породившие в нигилизм с его стремлением к эпатирующему отрицанию традиционного искусства.

«Были в эти тревожные годы особая сила жизни, к кое-то смутное предчувствие близких бед и крушений. Оттого все торопились жить, все были ветрены и романтичны. Мир казался особенно дорогим и прекрасным, потому что ежеминутно боялись потерять его» (Г. Адмович).

В божественных кругах и центрах рилитория «театр жизни» Н. Евреинов, идеи слияния творчества и биографии. Это сделало Серебряный век временем массовым, бытовым, бытовым в лом:

*Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
Дантутто, Иокананом,
Самый скромный – северным Гланом,
Иль убийцей Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твёрдо выученный урок. (А. Ахматов)*

Театральность, игра стали определять и творчество, и манеру поведения, и стиль жизни. Ожило придуманное Ф. Достоевским слово «самосочинённость». Лицо уже не отличить от маски, маска – от лица.

В. Маяковский с его ранимой душой, фобиями и неуверенностью в себе, облечённый в знаменитую кофту, рычал со сцены красным сомнением и предстал перед публикой не «облаком в штанах», брутальным «Прометеем-поножовщиком» (К. Чуковский), сверхсильным предводителем планетных погромов. Его манера уличного хулигана, скопированную позднее С. Есениным, приняла подлинное лицо. Н. Клюев, всегда являвшийся среди поэтов в деревенской рубашке, подпоясанный верёвкой и в смешных с погоней, в «мирской» жизни одевался как изысканный денди и не прочь был деревенский говор. А. Ахматов театрально звала смерть, как освобождение («Ты всё равно придёшь – зачем же не теперь?»), но испытала безумный страх при бомбардировке осаждённого Ленинграда. А знаменитая мистификация Черубины де Габриэль?

Почти у любого поэта Серебряного века мы найдём эту тему. В. Брюсов:

*На свете нет людей – одни пустые маски
Мы каждым взглядом лжём, мы прячем каждый крик...*

М. Волошин: «Уже начался процесс обривания человеческих масок, являющихся с мозаичной личностью в тесном и устойчивом общественном строе». В. Шершеневич:

*Маски повсюду, весёлые маски,
Хитро глядят из прорезов глаза;
Где я? В старинной, чарующей сказке?
Но отчего покатила слеза?*

Речь идёт о мскхуже в прямом смысле – Д. Бурлюк рсхжив лсрскршенным лицом, М. Кузмин н носил «мушки», Н. Гумилёв в голодном и промёрзлом Петрогрде н ч л 1920-х годов появлялся в цилиндре и фркенвечере среди литерторов, поголовно обутых в вленки. Символично – д же зн менитое поэтическое к фе «Бродячясобк» преобрзилось в «Приют комедии нтов».

Игорь Северянин едвли не возглвлял этот «к рн в л». Современники единодушно отмеч ли его редкий игровой т л нт, и поэт использов л его всю. Вот перв я причин , почему он пис л т кие стихи.

С м Игорь Вильевич охотно призн в л свою игру («Игорь Северянин»):

*Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.*

Теперь о пошлости, з которую поэт бр нили критики. Был ли он в его стих х? Несомненно. А был ли он с м пошляком? Об этом спорят до сих пор. Пошляк, по Н бокову, носитель поддельных, лживых ценностей, претенциозности, «мнимости»: мнимый творец прекр сного, мнимый ПОЭТ, мнимый «гений», изнемог ющий от стремления к з ться не тем, что он есть. Пошляк свято верит в пр вду созд в емого им собственного обр з . И по сути не вед ет, что творит.

Северянин вед ет! Он пересиропил свои стихи эротической г л нтерейщиной вполне осозн нно. Для него это к к бы – литертурный приём, игр в пошлость.

*Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.*

О своём отношении к пошлости поэт говорил вполне определённо:

*Так страшно к пошлости прилипнуть, –
Вот это худшая вина...*

Блист тельный А. Вертинский в своём творчестве очень походил н Северянин . Более того – помимо своих «б н ново-ли-

монных Синг пуров» он исполнял песни, и писанные стихи Северянин – но не зовёт ли его кто-нибудь пошляком?! Возможно... Все эти вымученные кривости, журности, глупости, божественные и дрывы, голубые испано-сюизмы, вечерние динсинги... Но всё это за слоняет и превращает в искусство неподражаемый, совершенно уникальный талант Вертинского – артист, умеющего «из горничных делать королей».

Так же и с Северяниным, и если не звать его пошляком, придётся признать, что и пошлость может быть изысканной. Северянин прекрасно понимал это, иначе не сокрушался бы, перечитывая «Евгения Онегин»:

*Мы извращеньем обуяны
Как там, читатель, не грози:
И духу вечному Татьяны
Мы предпочтем «душок» Зизи! ...*

Северянин был человеком весьма ироничным, и в этом – вторым рядом. Г. Шенгели – друг и, в известной мере, ученик Северянина утверждал: «Игорь обладал с мимическим демоническим умом, к которому я только встречался, – это был Александр Ревский, ставший стихотворцем; и все его стихи – сплошное издевательство над всеми, и всем, и над собой... Игорь как ждого видел и сквозь толстовской хваткой проник в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника, – но это ощущение неуклонно сопрягалось в нём с чувством презрения».

*Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон –
Ведь, я лирический ироник:
Ирония – вот мой канон.*

Эту мысль Северянин повторяет и в других стихах, например, в автопортрете («Игорь Северянин»):

*Он в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.*

По форме ирония Северянина – классическая: «хула в виде хвалы». И не вряд ли стоит всерьёз не звать его певцом пошлости и мещанств, упрекать в эстетизации низкопробной глупости и слонности, провозглашать гением китча. Ведь Игорь Васильевич с своим более вызывающими «поэзиями» в узком кругу открыто называл «стихи для дураков».

Трудно не заметить: китч сегодняшний, зрительский звёздными болезнями и так востребованный «широкими массами», по-простому – быдлом, китч, зловонный экран ТВ, весь эфир и поглотивший подлинное искусство, – процветает и осознанно извращает во имя живых вкусов публики. Более того – формирует их.

Северянин, действительно, презирает «почтённое общество» и издевается над публикой, порицая её вкусы. Об этом секрете Полишинеля он вопиёт во весь голос:

*В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостиной настроились, лица свои оглупив:
Я улыбнулся натянуто, вспомнив сарказмно о порохе.
Скуку взорвал неожиданно нео-поздний мотив.
Каждая строчка – пощёчина. Голос мой – сплошь
издевательство.*

*Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые Ваши Сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс.*

Или:

*Я – не игрушка для толпы,
Не шут обращенных ничтожеств!
Да, вам пою, – пою! – И что же?
О, люди! как же вы тупы;... –
Я – ветер, что не петь не может!*

Об обиде на свою эпоху и о презрении к толпе Северянин писал часто. Например, в стихотворении, обращённом к Бальмонту:

*Мы обокрадены своей эпохой,
Искусство променявшей на фокстрот.
Но как бы ни было с тобой нам плохо,
В нас то, чего другим не достает.*

.....
*С презреньем благодушным на двуногих
Взираем, справедливо свысока.
Довольствуюсь сочувствием немногих,
Кто золото отсеял от песка.*

«Фокстрот» в стихах Северянина – метформы. Сегодня: «опопсовиться», в начале XX века – «офокстротиться».

Северянинск я ирония ч сто соседствует с с моиронией и этим открыв ет путь для бегств от действительности: «Я тр гедию жизни претворю в грёзоф рс...». Укрытием от невыносимой ре льности для Короля поэтов был поэзия и весь тот прекрсно-ск зочный мир «у моря, где журн я пен » со всеми его «озерз мк ми», «к ретк ми» и «сюрпризэрк ми», – причудливый мир, который он т к изящно выдум л.

*За струнной изгородью лиры
Живёт неведомый паяц.
Его палаццо из палацц –
За струнной изгородью лиры...
Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц!..*

Или т к:

*Я царь страны несуществующей,
Страны, где имени мне нет...
Душой, созвездия колдующей,
Витаю я среди планет.*

Северянин в своей иронии, с рк зме и с тире удивительно созвучен другому з меч тельному поэту – С ше Чёрному. Об они невыносимо стр д ли от человеческой глупости, пошлости, мещ нств , безвкусия обыв телей. Строчки Северянин

*Фокстрот, кинематограф и лото –
Вот, вот куда людская мчится стая!*

вполне можно принять з стихи С ши Чёрного. А стихотворение «Их культурность...»?! –

*Мне сказали однажды: // «Изнывая от жажды //
Просвещенья, в России каждый, знай, гражданин //
Тонко любит искусство, // Разбираясь искусно
Средь стихов, средь симфоний, //
средь скульптур и картин».*

*Чтобы слух сей проверить, // Стал стучаться я в двери:
«Вы читали Бальмонта, – Вы и Ваша семья?» //
– «Энто я-то? аль он-то? // Как назвали? Бальмонта?
Энто что же такое? не пойму что-то я.*

*Может, это писемник? // Так читал нам садовник,
По прозванию Крапива – ик! – Крапива Федул.
Может, это лечебник? // Так читал нам нахлебник,
Что у нас проживает: Пармошка Разгул.*

*Может, это оракул?» – // Но уж тут я заплакал:
Стало жаль мне Бальмонта и себя, и страну:
Если «граждане» все так – // Некультурнее веток,
То стране такой впору погрузиться в волну!..*

Но в отношении к «сермяжной пруде жизни» у С. Ши Черного преобладают тоска, у Северянина – презрение.

Теперь о третьей причине, почему он писал такие стихи. Северянин чутко угадал исторические перемены, уловил настроение эпохи. И набравший силу буржуазный бомонд, и простой обыватель жаждал рывков, хотели, чтобы им «делали криво». Непрестанно критиковали Северянина «продвцом мороженого из сирени» – он предлагал толпе совсем другое – иллюзорную мечту. Мечту об изящной, лёгкой и красивой жизни:

*К чёрту «вечные вопросы»! –
Пью фиалковый ликёр.*

А в каждую извор живую, сквозную обёртку изворчив он свой творил – тут были и королевы в башнях из мрамора, отдалённые грозиво своим планом под сонаты Шопена, и грёзёрки-сюрпризёрки в гармонике мышовом, и красивый, но бессмертный эксцесс, и элегантные коляски в электрическом биенье, и комфорт бельевые кресла на эллиптических рессорах, и жёлтые гостинные из серого клёна, с обивкой шелковой, в которые приглашали томный журфикс... Были и обольстительные мужчины с душистой душой, тщательно скрытой в шелковом шелесте, и упоительные женщины в платьях муравов с лавандовой тальмой, и шофёры, дожидавшиеся их в фешенебельных лимузинах...

Северянин, виртуозный гипнотизёр человеческих душ, показывал дорогу к этому иллюзорному счастью, держал рецепт:

*Вонзите штопор в упругость пробки, –
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки.*

*Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскройте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..
Ловите женщин, теряйте мысли...
Счёт поцелуям – пойдя, исчисли!..
А к поцелуям финал причисли, –
И будет счастье в удобном смысле!..*

В эти годы, когда к пит лизм только н щупыв л пути к глобальному оболв нив нию, н чин лось его гл вное преступление против человечеств – з мен подлинной культуры – культурой м ссовой, подмен искусств – шоу-бизнесом. Одним из первых героев этой мистификации стал Северянин. Он удивительно точно попал в нерв эпохи – сделался «поэтом улицы» н много раньше В. Маяковского, перенёс поэзию из салонов н эстр ду.

*Гоня торопливо за строчкою строчку,
Какую-то тайную нервную точку
Под критиков ахи и охи, и вздохи
Сумел он нащупать на теле эпохи. (В. Шефнер)*

Здолго до появления всех теорий маркетинга Северянин генильно угадал технологию успеха в нарождающемся «обществе потребления». Во всём опередил будущих гениев рынка. Всё было у него по ещё не открытой науке: и изучение спроса, и создание бренда, и продвижение его с помощью рекламы и манипулирование публикой. Но при этом Северянин совершил то, против чего протестовал его дух – «офокстротился». С годами он осознаёт это как главную трагедию своей жизни.

Другой поэт Серебряного века Николай Гумилёв тоже прозрел этот исторический поворот и в своих «Письмах о русской поэзии», касаясь творчества Северянина, пророчески заметил: «...те стихи трогают до слёз, что они стоят вне искусств своей дешёвой телесностью, это не вожно. Для того-то и основан вселенский эго-футуризм, чтобы расширить границы искусства... (выделено мной – Б. П.). Повторяю, все это очень серьезно. Мы присутствуем при новом вторжении в ров, сильных своею телесностью и ужасных своею небрежливостью. Только будущее покажет, “германы” ли это или... гунны, от которых не остаётся и след».

Но след от Северянина остаётся. И очень заметный.